

МИНКУЛЬТ — МИНИМУМ культуры?

— такой вопрос хочется задать, узнав об отказе депутатов Верховного Совета утвердить кандидатуру нынешнего министра культуры.

ДОЛГИЕ ГОДЫ живет, все удлиняясь, грустный анекдот: «На чьем месте министр культуры Захаров? На месте Демичева. А на чьем месте Демичев? На месте Фурцевой. А Фурцева?.. И так далее до Луначарского. А Луначарский? А вот Луначарский был на своем месте».

В длинной веренице министров культуры (наркомов просвещения, председателей Комитета по делам искусств — в разные годы эта должность называлась по-разному) были всякие люди. Но ни один после Луначарского не был человеком того уровня интеллигентности, широты, энциклопедической образованности, каким обязан быть руководителем культуры. Вот и остались «министры на чужом месте» не в истории культуры нашей страны, а в анекдотах — этой единственной форме выражения общественного мнения эпохи «культы личности» и «застоя».

Рассказывают, что во время приема, устроенного в 1973 году по случаю приезда в СССР великого Шагала, сидевшая рядом с ним Фурцева простодушно сказала: «Марк Захарович, а ведь если бы вы не уехали из России, вы бы, наверное, рисовали совсем по-другому?» На что галантный Шагал, целуя ей руку, возразил: «Вы очаровательная женщина, Екатерина Алексеевна! Давайте не будем говорить об искусстве».

В 1956 году среди деятелей искусства ходил мрачный каламбур: «Вы боитесь министра культуры? Нет, я боюсь культуры министра». Это было время «правления» министра Михайлова.

В наши дни появилась тенденция заваливать на Луначарского ответственность за все перекосы, ошибки, трагедии, сопровождавшие жизнь искусства первых лет революции, когда он был наркомом просвещения. Чтобы осуждать, надо знать: чтобы знать, надо изучать — объективно, непредвзято. Нам еще

только предстоит по-настоящему изучать историю революции. Хоча привести лишь одно высказывание Луначарского 1921 года.

«Должно ли революционное правительство принципиально охранять права индивидуального творчества? На этот вопрос я скажу: да, должно. Каутский в своей замечательной и поучительной книге «На другой день после социальной революции» дает совершенно правильную формулу, когда он говорит: «Величайший порядок и плановость в производстве и полная анархия в области искусства». Под анархией здесь разумеется не беспорядок, а безвластие, отсутствие начальства, предписывающего вдохновению те или другие нормы. Человек, который скажет «долгой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто, присущее упорядоченной социализированной социальной жизни», — тот, кто сделает из этого вывод, что самая критика должна превратиться в своего рода донос, или пригону художественного произведения на примитивно революционные колодки, тот покажет только, что под коммунизмом у него, если немного потереть, в сущности сидит Держиморда и что, сколько-нибудь придя к власти, он ничего другого из нее не взял, как удовольствие куражиться, самодурствовать и в особенности тащить и не пущать».

Эти симптомы, конечно, есть у нас, не может их не быть — слишком мы малокультурный народ. Угроза: превращения сильной пролетарской власти в полицейщину и арачкеевщину имеется налицо, и надо ее всячески избегать».

Неплохо бы и нам сейчас иметь министра культуры с такой программой!

Мария ЧЕГОДАЕВА.